

ДЕТЕКТИВНОЕ РЕТРО

ПОЛЮС ВЕЧНОГО ХОЛОДА

АЛЕКСАНДР РУЖ

Детективное ретро

Александр Руж

Полюс вечного холода

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Руж А.

Полюс вечного холода / А. Руж — «Эксмо»,
2022 — (Детективное ретро)

ISBN 978-5-04-168532-4

Александр Руж — лауреат второго сезона премии «Русский детектив» в области детективного и остросюжетного жанров литературы и кино в номинации «Открытие года». За право называться лучшими в 2021 году боролись отечественные и иностранные авторы, литературные произведения, написанные и изданные на русском языке, а также фильмы и сериалы. Члены жюри подвели итоги и выбрали победителей в ноябре 2021 года. 1926 год. Завершив в Ленинграде опасное расследование, сотрудник особой группы Спецотдела ОГПУ Вадим Арсеньев по заданию руководства отправляется на другой конец страны — в далекую Якутию. Там на «полюсе холода» близ поселка Оймякон находится таинственное озеро Лабынкыр, почитаемое местными народностями. С ним связаны древние предания, внезапно получившие реальное подтверждение. Согласно милицейским сводкам, в окрестностях водоема находят растерзанных охотников и оленеводов, а оставшиеся в живых свидетели передают из уст в уста жуткие рассказы о якобы виденных в тундре чудовищах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168532-4

© Руж А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Вступление	7
Глава I,	10
Глава II,	20
Глава III,	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Руж

Полюс вечного холода

© Руж. А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Вступление

В тот, теперь уже далекий, летний день 1903 года Царское Село изнывало от иссушающего зноя. Весь его достаточно бестолковый ландшафт затвердел под палящим солнцем, как пережаренный пирог. В городе нечем было дышать – не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка, не колыхался ни один лист на деревьях, а штандарты на императорском дворце безнадежно обвисли.

У кого имелась возможность выбраться на природу, чтобы там, под сенью крон, близ живительной влаги рукотворных водоемов, дать отдохновение разгоряченным телам, пользовались ею. Вот и пожилой крестьянин Яков Укладчиков, испытывший на себе прелести крепостного права, а ныне доживавший дни на собственной делянке, в развалюхе под соломенной кровлей, решил остудить старые кости и похромал к зеленой рощице, что разрослась под горушкой.

Яков жил в Царском Селе более семидесяти лет, с самого рождения. Он помнил, как на въезде в город со стороны Петербургского шоссе ставили чугунные Египетские ворота. Помнил, как по первой в России железке прополз окутанный паром локомотив, как падали в обморок при виде этого небывалого дива слабонервные барышни и впечатлительные селянки. На его глазах городок рос и процветал. Наличие царской резиденции гарантировало образцовый порядок на улицах и своевременное появление различных благ цивилизации, которые даже до столиц не добирались с такой быстротой.

В конце прошлого века в Царское Село протянули телефонную линию и построили мощную электростанцию, оно стало первым в Европе полностью электрифицированным городом. Даже в халупке Якова вместо лучин и коптилок появились стеклянные баллоны, источавшие немыслимо яркий свет. А год назад затеяли переделывать систему городской канализации – с раздельным стоком, да еще и с системой биологической очистки отходов, чего не было нигде в стране. Для уничтожения мусора английская фирма «Горсфоль» соорудила специальные печи, причем высвобождавшаяся от сжигания отходов энергия не пропадала даром, а шла на отопление.

Жена Якова, отсталая и безграмотная, все эти новшества осуждала, сетовала, что они мешают ей проживать в спокойствии и религиозном благочинии. Но сам Яков, куда более любознательный, освоивший на шестом десятке грамоту и почитывавший рубрику «Слухи и вести» в «Петербургском листке», был куда более восприимчив к свежим веяниям. Он вдохновенно живописал своей Прасковье, какая лепота настанет, когда по городу зачнут ездить самобеглые бензиновые коляски. А потом, того и гляди, воздвигнут причальную вышку для дирижаблей, и можно будет махнуть отседова хоть в Гельсингфорс, хоть в Варшаву, а хоть и в Москву. Закоснелая в своем недоразвитом мышлении супруга в ответ только крестилась, поминала огненную геенну и твердила о неизбежной расплате за грехи неразумного человечества. Ей мнилось, что именно здесь настанет конец многовековой монаршей России, и она не желала при этом присутствовать. Когда ей делалось особенно тревожно, она уговаривала мужа бросить Царское Село, продать дом и переехать куда-нибудь в глушь, где потише и нет дьявольских искушений. Яков только отмахивался, считая все это глупыми безосновательными бреднями.

Сегодня он звал жену с собой искупнуться, но она отказалась наотрез. С возрастом Прасковья, и без того нелюдимая, совершенно замкнулась в себе, не выходила дальше огорода, окруженного высоким тыном, и старалась как можно реже показываться на людях. Яков в какой-то степени понимал ее женскую стыдливость: и так-то не красавица, нос картошкой, глазенки маленькие, выпученные, а с годами еще и морщин добавилось – хоть Бабу-ягу рисуй. Но с другой стороны, старение – процесс естественный. Чего стыдиться?

Ладно, не хочет, так не хочет. Яков уже привык везде ходить один, отсутствие компании его нисколько не обременяло.

Он знал неподалеку от дома уютный прудик. В отличие от многих других царскосельских водоемов, переполняемых в жару купальщиками и развеселыми лодочниками, этот не пользовался популярностью, был дик и утопал в первозданной растительности. Ни тебе дощатых мостков, ни кабинок для переодевания, ни лотошников с горячими пирожками. А все потому, что кто-то давным-давно пустил сплетню, будто тут тьма-тьмушая пиявок. Яков эти толки не поддерживал, но и не опровергал, хотя за время купаний ни одна из сих противных тварей к нему не присосалась. Наоборот, вода в прудике, несмотря на обилие донной тины, всегда казалась прозрачной, как слеза младенца. Из-за малой глубины она отменно прогревалась, и плескаться в ней было истинным наслаждением.

Правда, в последнее время объявилось в городке несметное количество военных. Оно и понятно: всероссийский самодержец почти совсем забросил Питер, днюет и ночует в загородной усадьбе, с ним и семья в полном составе. Министры с докладами приезжают, совещания устраивают. Куда ж без охраны! Тем паче гуторят, будто вскорости война с японцем может начаться. Бдительность превыше всего.

Вчера еще лежал себе прудик безмятежно, точно капля росы в детской ладошке, а сегодня возникли откуда-то проволочные ограждения на столбах. Таблички к ним прикручены с черепами нарисованными. Яков остановился, поскреб затылок – он ничего не понял. Какие черепа, откуда ограждения? Он излазил здесь каждый вершок, но никакой опасности не наблюдал. В прудике водились разве что ленивые карпы и пучеглазые лягушки, иногда забредали на водопой лисы и зайцы. Опасного зверья в Царском Селе и окрестностях не водилось уже лет полтора.

Помявшись, Яков воровато поднырнул под проволоку. Ну вас! Дай волю, так со своими охранными мерами совсем простому люду кислород перекроете. А нынче не петровские времена, люд – он в разум вошел, о правах и свободах представление имеет. И незачем его лишний раз драконить.

На берегу пруда все было как раньше. Мирно стрекотали цикады, пересвистывались укрывшиеся в осоке мелкие пичужки. Убедившись, что в зарослях не дежурят солдаты с винтовками, Яков хекнул и потянул через голову задубелую от пота рубаху. Распустил веревочки, скинул домотканые портки и, оставшись в намотанном на чресла лоскуте, как неандерталец в набедренной повязке, сунулся в пруд.

Разбежалась в стороны ряска, поодаль высунулась и вновь скрылась рыба морда. Яков пошел вперед, приседая и изгибаясь для нырка в прогретую парную воду. Внезапно его нога наткнулась на что-то продолговатое и осклизлое. Он подумал сначала, что попалась коряга. Нагнулся, подождал, пока сойдет рябь и обмер с подогнутым, как у цапли, коленом.

Перед ним, на дне, лежал утопленник – покойно, со смеженными веками и скрещенными на груди руками. В его длинных русых волосах резвились головастики. Был он молод, лет двадцати, щеки покрывал легкий пушок, а широкая грудная клетка и бугры мускулов свидетельствовали об изрядном физическом развитии. Яков не мог определить, был ли он абсолютно гол, ибо тело ниже живота прикрывал, на манер пледа, коричневый коврик из водорослей.

Яков зашлепал губами, творя первую пришедшую на память молитву. Обычно он молился нечасто, по большим праздникам, когда ходил с Прасковьей в церковь. Но тут пропало с перепугу. Он заставил себя присмотреться к несчастному. Наружных ран не видно, но они могли быть на спине. Впрочем, непохоже, чтобы он с кем-то боролся и принял насильственную смерть от чужих рук. Не иначе самоубийца. Яков прежде видел их, но только повешенных.

Он огляделся кругом – теперь уже в надежде усмотреть живую душу и позвать на помощь. Никого. Прудик, разом утративший свою милую патриархальность, зловеще затаился, словно выжидал.

Яков погрузил в воду дрожащие руки, чтобы приподнять утопленника, но тот неожиданно распахнул глаза – они оказались небесно-голубыми – и без посторонней подмоги высунул голову из пруда. Яков закрестился истовее, чем это делала Прасковья в минуты панических атак. А оживший мертвяк улыбнулся ему и вдруг, цапнув за предплечье, потащил к себе.

Враз вспомнились женины предостережения: и про тихие омуты, и про бесовщину, витающую над Царским Селом, и про возмездие за прегрешения... Яков дернулся что было силы, лягнул врага костистой пяткой. И – вырвался.

Взметая брызги и скользя по илистому дну, он в три прыжка достиг берега, выскочил как ужаленный и обернулся. Молодой утопленник стоял в воде по пояс, облепленный кружочками ряски, и грозил ему пальцем. Яков схватил валявшиеся в траве портки с рубахой и пустился прочь от берега.

По-лосиному раздувая бока, он добежал до проволочного ограждения. Лоскут на бедрах разматался, того и гляди свалится. Яков прихватил его рукой и принялся заталкивать мокрые ступни в штанины. Кое-как натянув портки, он взялся за рубаху, но ивняк закачался, и над ним всплыла лохматая голова утопленника. Яков бросил рубаху, прошмыгнул ужом под проволокой и, как был, с обнаженным мосластым торсом, припустил к своей хибаре.

Там он с порога повалился в ноги своей старухе, стал лепетать что-то невразумительное, каяться и биться лбом о половицы. Прасковья смотрела на него, как на сумасшедшего, и капала ему на макушку пахучее миро из склянки. А Яков, выговорившись, кинулся к божнице, вынул из-за нее все семейные сбережения, заботливо увязанные в кожаный кисет, и объявил, что завтра же надобно уезжать из Царского. Прасковья впала в ступор, гадая, радоваться ли ей исполнению заветного желания или причитать над мужем, который явно не в себе. Она достала из погреба бутылку самогона и робко подсунула Якову, как проверенное лекарство от нервов. Однако он самогон отринул, сказав, что рассудок нужен тверезый и вообще некогда расслаиваться. Пусть жена укладывает скарб, а он пойдет искать покупателей.

Дела были устроены с курьерской быстротой: дом и скотина проданы, вещи собраны, и вскоре под непонимающими взглядами знакомцев подвода увезла Якова с Прасковьей из Царского Села. Куда они делись, где осели и как сложилась их дальнейшая судьба, история умалчивает. В нашем скромном повествовании их присутствие больше не требуется.

Глава I, в которой Вадиму Арсеньеву выпадает дальняя дорога по казенной надобности

Ровно через двадцать три года после описанных выше событий, в августе 1926-го, новенький шведский паровоз марки «Эш» волочил по рельсам на восток состав из пяти вагонов. Позади остались Москва, Пермь, Казань, а впереди, в розовой дымке, вырисовывались очертания Уральских гор. В вагонах размещалась вперемешку всякая всячина: книги, переданные из столицы для отдаленных изб-читален, школьные учебники, агитационные материалы, корреспонденция. Помимо прочего имелись мешки с ассигнациями в бронированных ящиках – зарплата для рабочих с заводов Каменного Пояса. Все это добро стерегли четверо красноармейцев, вооруженных винтовками и пулеметом «Шош». Они дремали в переднем вагоне, балагурили и нюхали табак (курить в поезде, по причине обилия бумажной продукции, строжайше возбранялось).

Кроме них присутствовали еще два пассажира, оба ехали из Москвы. Один – высокий брюнет лет тридцати, одетый в комиссарскую кожанку, чисто изъяснялся по-русски, лишь слегка раскатывая звук «р-р» в начале слов. Второй – пожилой немец, кутавшийся, несмотря на теплую погоду, в длиннополое пальтишко и насвистывавший баварские народные песенки. Брюнета звали Вадимом Арсеньевым, он являлся сотрудником особой группы при Специальном отделе Объединенного главполитуправления. Немец по фамилии Фризе состоял при той же группе в должности врача. В почтово-багажный поезд они попали благодаря личному распоряжению наркома путей сообщения товарища Рудзутака. Велено было отвести им персональный закут и не чинить никаких неудобств.

Пассажиры оказались нетребовательными. Они выбрали себе угол в теплушке, отгородились рулонами агитплакатов и негромко переговаривались, никого не тревожа и ни о чем не прося. У них были свои торбы с пайками, чайник, водились, наверное, и деньги.

Куда и зачем они ехали? Красноармейцев-охранников этот вопрос интересовал слабо. Они бы очень подивились, узнав, что и сами особисты не осведомлены о конечной цели своего путешествия.

Вадим незадолго до отъезда завершил весьма сложную и опасную операцию, вернулся из Ленинграда в Москву и планировал немного отдохнуть, прийти в себя¹. Тем более что очнувшись после продолжительной болезни его невеста – лопарка Аннеке, приехавшая с Крайнего Севера. Не тут-то было. Распоряжением председателя ОГПУ Вячеслава Менжинского его отправили в новую командировку – едва дали время нехитрый багаж в вещмешок утоптать.

Вадим подозревал, что такая срочность неспроста. Не исключено, что он чем-то мешает вышестоящему руководству, и оно намерено поскорее сплавить его куда-нибудь в глухомань, откуда он не факт что возвратится. Догадку подтвердил его непосредственный начальник, шеф особой группы Александр Васильевич Барченко. Он встретился со своим подопечным и переговорил с ним накоротке, пока тот у себя в коммуналке в Нагатино лихорадочно соображал, что из первоочередного взять в поездку, которая затянется неизвестно на сколько.

– Вы, Вадим Сергеевич, в щекотливые сферы вторглись. Недосуг мне нынче мыслить по древу растекаться, изреку одно: ваше рвение в расследованиях кое-кого припугнуло. Вот и хотят отправить вас в края отдаленные, дабы ретивость вашу поумерить... ну и чтобы в Москве лишний раз не светились.

– Александр Васильевич, в чем я виноват?

¹ Подробнее об этой истории читайте в романе Александра Ружа «Охота на черного короля».

– Ни в чем. Политика – область тонкая... Закулисные игрища, подводные течения. И есмь человецы влиятельные, противу чьих решений аз бессилён. Так что придется вам смириться. Авось обойдется, и вернетесь в целости и сохранности...

Единственное, чем сумел порадовать Барченко своему любимцу – взять на временное попечение Аннеке и дать ему в компаньоны Фризе. Отправил бы четверых-пятерых, но и на одного-то высокие инстанции согласились со скрипом.

Фризе Вадим выбрал сам. Сперва держал на примете Макара Чубатюка, матроса-великана, способного в одиночку одолеть целый взвод, но передумал. Макар при Александре Васильевиче – и шофер, и телохранитель, един во многих лицах. Нельзя его с шефом разлучать, тем более надолго. Прочие сослуживцы тоже были как на подбор, каждый со своей сверхспособностью: кто босиком по углям расхаживал, кто будущее предсказывал не хуже Нострадамуса, кто из оков и цепей высвобождался. Бери любого – не пожалеешь. Но Вадим остановил выбор именно на Фризе. Коренной мюнхенец, попавший в русский плен в мировую войну, хоть и не переставал считать себя истым бюргером, давно уже свыкся с нравами и обычаями новой родины. Способный врач, он умел лечить пациентов как лекарствами, так и пассами – водил рукой над больным местом, что-то прищепывал, и иногда случалось чудо, боль отступала. В общении он был вполне комфортен: в меру молчалив, в меру разговорчив, в душу не лез, позволял себе философствовать, но в пределах разумного. Такой спутник никогда не утомит и не вызовет раздражения, что немаловажно в экспедиции, от которой не знаешь, чего ожидать.

Сейчас Вадима больше всего нервировала неопределенность. Он был в пути уже несколько суток, успел отлежать бока на жестких полках, но до сих пор не представлял себе, куда и для чего направлен. Маршрут состава заканчивался в Тюмени, до нее Вадиму и выдали предписание. Однако присовокупили, что это не есть конечный пункт. Далее поступят новые инструкции по телеграфу.

Что за дурацкая секретность! Неужто там, в Сибири, где один глаз на тысячу квадратных километров, есть что достойное внимания специалистов из особой группы и следует обставлять с таким пафосом? Вадим, естественно, понимал, что жизнь за окраиной Москвы не заканчивается, но знать бы, к чему готовиться!

Своими терзаниями он делился с Фризе. Тот, степенный и невозмутимый, гудел в ответ: – Зашем волноваться? Провиант есть, колеса есть... Зер гут! Ихь райзе... я думайт, что я путешественник. Красота! – Он показывал на окно теплушки, за которым промелькивали кривые елки. – Получайт удовольствий и не загружайт голофа!

Фризе легко, он так воспитан. А Вадим, как ни уговаривал себя, к стоическому расположению духа так и не приблизился.

Мелкие станции поезд проскакивал, делая остановки там, где полагалось сгружать почту. В Свердловск прибыли ночью, где простояли с полчаса. Здесь из бронированных ящиков выгребли часть мешков с деньгами, зато взяли самоцветы – редкие, отборные, предназначенные для Гохрана. На обратном пути из Тюмени их надлежало доставить по назначению.

Вагон-хранилище накрепко задраили, но состав все еще не трогался – ему по какой-то причине не давали зеленый свет. Фризе вышел в тамбур, приоткрыл дверь, обстоятельно подоткнул пальто, чтобы не испачкать, и сел на чурбак, который принес из тендера и использовал вместо скамейки. Ночь выдалась прозрачная, над Уралом висели лупастые переливчатые звезды.

По перрону застучали подошвы цивильных ботинок, и на подножку вскочил мужчина лет сорока в парусиновом костюме, выпуклых очках и с усами вразлет, делавшими его похожим на эсера-боевика времен лихих эксов первой русской революции. В руке у него мотылялся портфельчик из драной рыжей кожи.

– Москва? – выдохнул он. – Уф!.. Служебный?

Фризе меланхолично кивнул.

– Успел!.. – Усач, цепляясь за поручни, проворно вскарабкался в тамбур. – Я из наркомпочтеля.

Он, очевидно, принял истуканствовавшего на чурбаке немца за какого-нибудь дежурного. Тот и бровью не повел. Эшелон казенный, мало ли какие государственные люди имеют право в нем ездить.

Ступив в душное нутро вагона, усач споткнулся, потер ушибленную голень, поискал глазами свободное место, не нашел и, недолго думая, завалился прямо на коробки с книгами. А что? Ложе мягкое, и сны на нем, как подумалось Фризе, должны посещать не праздные, а спасительные для душевной субстанции и полезные для серого вещества.

Вадим в этот поздний час уже спал, поэтому с новым попутчиком познакомился только следующим утром. Проснувшись, он увидел его, сладко потягивавшегося в мятом костюме, с подложенной под голову шляпой, и вопросительно повернулся к Фризе. Тот полупшепотом поведал о ночных событиях. А скоро и сам представитель наркомата почт и телеграфов восстал ото сна, с хрустом развел худые руки, учтиво поклонился и отрекомендовал себя:

– Александр Арбель. Можете звать меня по-простому – Сашей или Шурой.

– Ви есть дойч? – Фризе взглянул на него по-новому. – Нерусский фамилий...

– Совсем не угадали... уф!.. – У усатого, по всей вероятности, были проблемы с легкими, его дыхание то и дело сбивалось. – Я из Смоленска, мой папа тамошний священник. Мечтал и меня по той же стезе направить. А я чем только в жизни не занимался! И в театре выступал, и на скрипке в цирковом оркестре поигрывал, и юридической практикой занимался... – Арбель расправил скомканную шляпу и взглянул на заоконный пейзаж. – Когда мы будем в Москве? Я находился в Свердловске с проверкой от комиссариата, везу отчет. Его еще, кстати, надо доделать... уф!..

– Москва? – вылупил Фризе белесые зрачки. – Но ми ехаль нах Ост. Москва совсем в другой сторона.

Арбель опешил.

– Как в другой? Вы же мне давеча сказали...

– Сказаль, что поезд из Москва. Яволь! Мы ехайт Тюмень, назад не скоро...

– Это правда? – Канцелярист повернулся к Вадиму: – Мы едем в Сибирь?

– Точно так. А вы не знали?

Выяснилось, что Арбель ночью впопыхах перепутал составы. Эта новость произвела на него сильное впечатление, он взъерошил руками волосы, закачался на пачке с географическими учебниками и патетически воскликнул:

– Я идиот! И что мне теперь делать? Прыгать на ходу?..

Не понравился он Вадиму. Неврастенический порывистый интеллигентик. На театральных подмостках такие хороши – заламывают руки, произносят пыльные речи. Но в жизни от них лучше держаться подальше. Они будут учить тебя жизни, загружать высокоумными сентенциями, однако, случись форс-мажор, сразу растеряются и станут беспомощнее новорожденных.

Вслух, конечно, Вадим ничего этого не сказал. Он деликатно напомнил, что вокруг тайга, и выпрыгивание из поезда ни к чему хорошему не приведет.

– У вас же нет желания блуждать здесь до скончания века? Проще доехать до следующей крупной станции, там вы сможете сойти и подождать обратного состава.

– А когда он пойдет?

– Кто бы знал...

Регулярные пассажирские перевозки в Зауралье еще только налаживались, и Вадим понятия не имел, существует ли четкое расписание.

– Что вам мешает доехать с нами до Тюмени и вернуться этим же поездом?

– До Тюмени? – Арбель задумался. – Но это верст триста... уф!.. Потеряю уйму времени.

– Быстрее не получится.

– Русиш айзенбан... железный дорога... очень длинный! – присовокупил Фризе. – От штацион до штацион – целый вечност. Герр Вадим даваль кароши совет!

Арбель послушался и прыгать из вагона не стал. Невзирая на свою эмоциональность, он был неглупым человеком, умел просчитывать на будущее и избегать безрассудных поступков.

В портфельчике у него, кроме убористо исписанных листков, нашлась банка вареной фасоли. Он хлебосольно выставил ее на общий стол.

Вадим оценил щедрость нежданного попутчика и тоже не стал жмотиться: угостил его салом, сухарями и кетовой икрой из гэпэушных пайков. Фризе выудил заветную флягу со шнапсом, обед сделался еще колоритнее и затянулся до темноты.

К вечеру локомотив сбавил ход. Лес обступал железнодорожную колею так тесно, что ветки хлестали по вагонам и в летнюю сушь любая искра из паровозной трубы могла обернуться пожаром.

До Тюмени оставалось верст тридцать, когда Вадим, обладавший уникальным слухом, различил сквозь ленный перестук колес звуки, которые ему не понравились. Это был цокот лошадиных копыт.

– За нами едут. Всадников десять-двенадцать. Галопом...

– Конный разъезд? – поднял брови Арбель. – С чего бы? Хотят о чем-то предупредить?

– Боюсь, никакой это не р-разъезд. Местные головорезы. Прознали, что в поезде деньги и ценности, и р-решили устроить охоту...

Предположение Вадима имело свой резон. Лет пять назад советская Сибирь буквально кишела бандитскими формированиями – то были в основном остатки недобитой белогвардейщины. В результате массовых зачисток и масштабной кампании по изъятию у населения оружия криминальная обстановка заметно улучшилась, однако в лесах, вдалеке от городов, все еще водились шайки грабителей, промышлявших налетами на поезда.

– Во ист ди полицей? – заворчал Фризе. – Как можно оставляйт поезд без настоящий охрана в темный чаща?

Вадим посмотрел на Арбеля: запаникует? Но тот повел себя хладнокровно – окинул взглядом вагон, как бы определяя, где лучше занять позицию, если придется обороняться, после чего откинул полу парусинового пиджачка и извлек из кобуры американский шестизарядный «смит-вессон» сорок пятого калибра.

– Вы, я гляжу, серьезно подготовились! – не удержался Вадим от иронической ремарки.

– Меня не развлекаться отправили... уф! – буркнул конторщик. – И не в Сокольники, а на Урал.

Вадим счел, что для пререканий сейчас не лучший момент. Они с Фризе тоже были вооружены, но пистолеты «ТК», в просторечии «коровы», значительно уступали мощному коб-бойскому револьверу.

– Надо предупредить машиниста и бойцов из первого вагона. Они, наверно, еще ничего не слышат.

– Давайте, я! – Арбель с готовностью поднялся.

– Сидите. Будете с Фризе прикрывать тыл. Когда бандиты поравняются с хвостом поезда, стреляйте.

Отдав распоряжения, Вадим вышел в тамбур, открыл дверь и, ухватившись за нее, полез на крышу. Поезд шел медленно, болтало несильно, поэтому акробатический этюд удалось исполнить без особенных затруднений.

Ночь уже сгустилась до крошечности, ее разрывали лишь огоньки паровоза, но Вадим, помимо прочих достоинств, обладал еще и феноменальным зрением – ему не требовался свет, чтобы разглядеть мельчайшие детали. Угнездившись на крыше теплушки, он устремил взор назад и различил вдалеке, за составом, дюжину прыгающих точек. Так и есть – конники, скачут во весь опор по рельсовому пути и неширокой насыпи. Не гикают, не стреляют – молчат,

стараясь до поры не обнаруживать своего присутствия. В руках у них обрезы и наганы. Если бы застигли врасплох, покрошили бы в мелкий винегрет. Но теперь эффекта внезапности не будет. Вадим, пригибаясь, побежал по крышам вагонов к паровозу. По его прикидкам, времени было достаточно. Преследователям потребуется минут пять, чтобы настичь эшелон. Важно, чтобы красноармейцы не сплеховали, отбились грамотно.

Добравшись до первого вагона, он лег на живот, свесился с крыши и рукояткой «ТК» забарабанил в окно. Просыпайтесь, чертовы сони!

Никто не отозвался. Вадим взялся левой рукой за выступ на ребристой крыше, вывернул шею и, свесившись еще ниже, заглянул внутрь. Глазам его предстало зрелище, от которого волосы встали дыбом. Трое охранников в неестественных позах лежали на полу в лужах крови, а четвертый – по прозвищу Кощей, сутулый, с крючковатым носом и седеющими патлами – корежил прикладом несгораемый ящик, в котором лежали ценности. Он увлекся так, что и стука в окно не расслышал. А может, принял его за шлепок ветки с толстыми налитыми шишками.

До Вадима дошел весь смысл преступной комбинации. Кощей был засланным, втерся в сопровождающую команду, а его пособники должны были подключиться на завершающем этапе. Он знал, что в Свердловске груз пополнится дорогими самоцветами, а на перегоне до Тюмени, в безлюдной тайге, поезд сбавит скорость. Кощей расправился с задремавшей, ничего не подозревавшей охраной (вон и окровавленный нож за ремнем торчит) и теперь поджидает сообщников, чтобы передать им содержимое ящика и дать тягу.

В голове у Вадима завертелись шестеренки счетного механизма. Минуты через три всадники будут здесь. Их больше десятка, вдвоем Арбелю и Фризе не сдержать натиска. А помощи ждать неоткуда. Если и живы машинист с кочегаром, что взять с гражданских? А все оружие заперто в вагоне, где хозяйничает Кощей...

Значит, надо проникнуть туда и обезвредить гада! Времени в обрез, двери, ведущие в вагон, законопачены изнутри. Остаются окна. Вадим размахнулся и саданул рукояткой «коровы» в стекло. Сию же секунду он отдернулся, перекатился на бок и залег на крыше, поглядывая вниз.

Тут уж среагировал бы и мертвый. В выбитом окне показалась всклокоченная шевелюра Кощея. Он вглядывался в темень, пытаясь сообразить, что произошло. Подумал, верно, что это свои явились раньше срока и шалят, уверенные – все идет по плану.

Вадим не стал медлить и, спустив ногу, врезал утюжку каблуком по шее. Может статься, перешиб позвонки. Тот задрыгался и обмяк на ощеренных зубьях высаженного окна. Вадим, извернувшись, схватил его за ворот и попробовал вытолкнуть наружу, но Кощей засел прочно, мешковатое тело не поддавалось.

Ничего, зайдем иначе. Вадим переместился чуть вперед, навис над соседним окном и методично его раскрошил. Сосновые лапы хлобыстали по лицу, сотнями игл раздирали кожу. Освободив проем от стекла, он соскользнул в вагон. Там тошнотворно разило кровавой юшкой. Избегая смотреть на трупы, Вадим подошел к Кощей, который застыл, пропихнувшись головой в окно, однако был еще жив: слышались стелания. Влепить пару пуль в загорбок – и дело с концом. Вадим изладился для выстрела, но так и не сумел нажать на спусковой крючок. Он поддал коленом под тощий зад, и Кощей вывалился наружу. Выживет, не выживет – это уж пусть Всевышний маракует.

Ящик с деньгами и камнями, хоть и покореженный, был не вскрыт. Есть шанс доставить народное добро в неприкосновенности, надо только с бандой разобраться.

Едва он вспомнил про банду, воздух разорвала беспорядочная пальба. Это означало, что конный отряд поравнялся с замыкающим вагоном, и там Фризе с Арбелем приняли бой.

Самое разумное сейчас – поспешить им на выручку. В вагоне, превратившемся в мертвецкую, делать больше нечего. Вадим сгреб в охапку три винтовки, выпавшие из рук убитых

часовых, и вытолкнул их через оконный прямоугольник на крышу. Он попал во что-то мягкое и услышал вскрик. Неужто бандиты уже захватили поезд?

Но то был не бандит. В окне показалась перевернутая голова Арбеля.

– Вадим Сергеич, вы здесь?

А чтоб тебя... Сказано же было: не отходить от немца, прикрывать тылы. Какого хрена?..

– Вы не волнуйтесь, Фризе сказал, что продержится. Я ему свой револьвер отдал... уф!..

– А вы-то тут за каким лешим? – сердито спросил Вадим.

– Хотел удостовериться, что у вас все в порядке... Но вижу, не все.

Из-за облаков вынырнула луна, ее лучи проникли в вагон, и Арбель смог рассмотреть картину побоища. Вадим в двух словах рассказал об измене Кощея.

– Р-раз пришли, помогайте! – Он выволок из угла пулемет «Шоша». – Держите!

Арбель проявил смекалку и ни о чем не стал спрашивать, вытащив девятикилограммовую бандуру на крышу. Вадим набил карманы магазинами и присоединился к нему. Теперь они стояли на покато́й кровле теплушки вдвоем. Фризе держался, слышны были попеременные хлопки «ТК» и «смит-вессона», перемежаемые револьверными выстрелами, которыми осыпала поезд вошедшая в раж банда. Конники уже охватили последний вагон клещами, кто-то из них силился поймать вихляющуюся дверь (Вадим не закрыл ее) и прорваться в вагон.

– Я туда, а вы к паровозу!

– Зачем? – не понял Арбель.

Нет, все-таки чиновник – он и есть чиновник. Где-то смекалка, а где-то дуб дубом. Только и умеет, что бумагу марать.

– Затем, что, если будем р-резину тянуть, нас всех перестреляют! Скажите машинисту, пусть р-разгоняет паровоз до упора. Глядишь, оторвемся.

– Но я хочу с вами... туда... – Арбель блеснул очками в направлении, откуда долетал треск выстрелов.

– Не спорьте! Предупредите машиниста и сразу к нам. Выполняйте!

Любопытно, что Арбель даже не поинтересовался, по какому праву этот молокосос им командует. Не то поддался силе голоса, не то сам рассудил, что так будет лучше. Он повернулся на сто восемьдесят градусов и побежал к локомотиву. Вот и славно. Вадим отчего-то не сомневался, что поручение будет выполнено в точности. Но пока паровозная бригада скумекает, что к чему, и состав наберет скорость, пройдет не меньше четверти часа. Захотят ли сибирские гайдамаки так долго вошкаться с парочкой защитников?

Вадим расставил ноги пошире, вскинул к плечу винтовку. Шатало, но все же он поймал на мушку бандита, который нагло пер в вагон. Выстрелил. Голова грабителя дернулась, и он кубарем полетел в кусты. Одним меньше!

Ответный залп заставил его упасть плашмя. Пули роем пронеслись выше, кое-где расползи одежду. Н-да, эти ребята не лыком шиты! Шайка явно собрана не из обиженных властью землепашцев, которые, побросав свои наделы, кое-как вооружились и ушли в дебри. Может, тут и бывшие колчаковцы присутствуют. Их без счета расплодилось по приуральским землям, всех еще выловить не успели...

Вадим припал к доскам вагонной крыши и стрелял прицельно – берег боеприпасы. К сожалению, позиция была не идеальная, выпущенные им пули большей частью пролетали над головами противников. Но он и не надеялся положить всю ораву. Основная цель – не позволить им пролезть в вагон, ибо тогда дела осажденного Фризе оказались бы совсем плохи. Немец и так сдал – «смит-вессон» умолк (видно, кончились патроны), отплевывалась одна лишь «корова».

Где Арбель, чего канителится? Вадим свирепо глянул через плечо, и тотчас громоподобный сцепок показало, что он был несправедлив к усатому конторщику. Состав лязгнул и стал потихоньку разгоняться. Из дымохода полетели снопы светляков, озарили насуспенную тайгу. Они

просеивались через густые ветви, сыпались золотым дождем в мох. Эдак и впрямь до пожара недалеко... Но выбора нет: или рискнуть, или сдаться башибузукам. А они не пощадят.

Вот и Арбель! Выскочил, как чертик из табакерки, загремел ботиночками по вагонам. Бежит во весь рост, балда. Подстрелят, как куропатку!

И точно – в выросшую на лунном фоне долговязую фигуру шмальнули сразу из пяти-шести стволов. Арбель упал и распластался, раскинув руки. Убит? Вадим неистово притянул к себе две винтовки и, приподнявшись на локтях, вмазал по бандлитской ватаге: раз, другой, третий... пока не опустели обоймы. Кого-то свалил с коня, прочие, не ожидавшие столь бурного отпора, шарахнулись под сень деревьев.

А Арбель и не думал умирать. Полежав чуток, он подполз ближе.

– Целы? – обрадовался Вадим, проникаясь все большей симпатией к этому нескладному, но, по всему видать, *правильному* человеку.

– Цел... уф!.. Плечо в двух местах расцарапало, – тот с сожалением тронул рассеченную ткань костюма, – но в общем, ерунда. – Арбель повел глазами, ища попрятавшихся преследователей. – Не отстают?

– Сейчас мы от них отделаемся. Берите винтовку, вот эту, в ней еще патрона четыре. Прикроете. А я им устрою праздник!

Вадим пополз вперед, таща за собой пулемет. Пристроился с ним на краю, выцелил шевелившиеся в зарослях силуэты, да и вжарил по ним очередь. Это стало для нападавших неожиданностью – они привыкли к тому, что враг огрызается одиночными выстрелами. Истошно заржала подстреленная лошадь, кто-то тяжело упал на щебенку под насыпью.

Над ухом вжикнуло – это засадил из трехлинейки Арбель. Вошел в азарт, работник умственного труда! Жаль, близорук, нет гарантии, что попадет в кого надо. Вадим на всякий случай сдвинулся вбок и выбросил пустой магазин. Пулемет «Шоша» считался самым скверным из всех аналогичных видов стрелкового вооружения. Его часто заклинивало, сбивался прицел, а шестнадцать патронов в диске – и вовсе курам на смех. Две короткие очереди – и перезаряжай.

К счастью, поезд уже разогнался, и бандиты, чьи ряды заметно поредели, стали отставать. Вадим выпустил по ним еще два магазина и, уже не таясь, перескочил на последний вагон. Тревожило, что оттуда больше не доносятся «коровьи» щелчки. Что с Фризе, жив ли?

Дверь все еще хлябала, Вадим перемахнул на нее с крыши и сиганул в тамбур. Всадники, числом около семи, были в пределах видимости, они жажнули из револьверов, но с такого расстояния да на скаку меткость, как говорится, оставляла желать. Вадим ринулся в недра вагона, заваленные попадавшими с полок связками книг, и увидел на полу Фризе, сцепившегося со здоровенным типом. Вот те на! Оказывается, какой-то проныра заскочил-таки в поезд. Немец схватился врукопашную –годились военные навыки. Но налетчик оказался массивнее: надел на него сверху и охаживал кулачищами.

Вадим выдернул из кармана «ТК» и зашел сбоку, чтобы ударом в висок свалить бугая. Тот заметил маневр, лягнулся, как норовистый конь, и ногу Вадима ниже колена пронзила резь. Вдобавок набравший быстроту поезд, закачался, и сохранить равновесие оказалось непросто. Вадима швырнуло к стене, сверху, шелестя, посыпались учебные пособия.

Бугай меж тем месил Фризе, словно комок теста. Неизвестно, чем бы это закончилось, если б в проходе не показался Арбель, державший за дуло винтовку. Он размахнулся ею, как былинный богатырь палицей, и огрел бандита по кумполу. Точно тюк с пшеном тот свалился с Фризе. Немец, хрипя, привстал, дошкандыбал до полки, сел на нее и выкашлял:

– Ду гейст мир ауф дэн зак... Грязный сфинья! Чуть меня не душишь...

Вадим растер ушибленную голень и подхромал к Арбелю, который, опустив винтовку, с интересом разглядывал поверженного Голиафа.

– Где вы так настропалились, Александр? Вас в наркомпочтеле приемам борьбы обучают?

– Нет... – Арбель отставил винтовку и шляпой вытер пот с лица. – Я после Гражданской в Крыму инспектором уголовного розыска работал... уф!.. Доводилось разных субчиков брать – волей-неволей обучишься драться.

Фризе доковылял до лежавшего амбала, пощупал ему пульс, приподнял веки. Одобрительно прищелкнул языком:

– Знатный удар! Этот шнидель получат по заслугам.

– Убил я его? – осведомился Арбель, не выказав ни встревоженности, ни тем более жалости.

– Найн. Немного оглушаль... Ошень крепкий копф... Чуть-чуть поболеть, и будет как нофый.

– Давайте-ка, мы его свяжем, пока не очухался, – предложил Вадим.

Арбель размотал бечевку, которой была перевязана коробка с букварями, но внезапно лицо его исказилось, и он как подкошенный рухнул на пол рядом со своей еще не пришедшей в чувство жертвой.

– Что с вами? – вскричал Вадим. Ему почудилось, что кто-то подстрелил канцеляриста через окно, хотя не слышно было никаких посторонних звуков, кроме звяканья колес на стыках.

Арбель не отвечал, только часто-часто моргал и скреб пятерней по груди, будто на него накатил приступ удушья. Фризе расстегнул на нем рубашку и в изумлении присвистнул:

– Вас ист дас? Что есть это?

Из-под рубашки выглядывала целлулоидная пластина, прилежавшая к коже, как доспех на древнем ратнике.

– Не понимайт... – Немец порылся в своем вещевом мешке, нашел пузырек с нашатырем, свинтил крышечку и сунул горлышко под нос клерку. – Ви меня слюшаль?

– Да... – одними губами проговорил Арбель. – Я слышу... уф!.. Сейчас полегчает, не пугайтесь.

– Что это на вас за латы? – поинтересовался Вадим.

– Давняя история... Я в войну туберкулез подхватил. Начались осложнения, парализовало ноги, шесть лет на больничной койке провалялся, в гипсовом корсете... уф!.. От меня из-за этого жена ушла, сказала: не для того я замуж выходила, чтобы с калекой нянчиться.

– Туберкулезен? Паралич? – Пальцы Фризе забегали по грудной клетке пациента. – Шмэрцен хэфтиге? Боль резкий? Ноющий? Бываль крампф? Судороги?

От его вопросов – четких, точечных – веяло профессионализмом. Никто бы не усомнился в компетенции такого уравновешенного, уверенного в себе специалиста. Арбель покладисто давал пояснения и между делом доканчивал свой рассказ:

– Потом мало-помалу стал вставать... Нет, здесь не болит... Расходился. Сперва с костылями, после с палочкой. В общем, болезнь отступила. А чтобы удобнее было... да, вот тут ноет... мне целлулоидный корсет сделали. Это во сто крат лучше гипсового, поверьте! Я и ходить смог, и бегать, и работать... уф!..

Закончив осмотр, Фризе потер белые руки, с длинными, как у пианиста, пальцами.

– Ви мужественный шелофек! Болезнь ваш сложный, но вы держайся молодец.

– Знаю, – невесело усмехнулся Арбель. – Меня все доктора хвалят. Только сделать ничего не могут. Спасибо, что не увечный. – Он, кряхтя, поднялся, пересел на топчанчик и застегнул рубашку. – Но не сказать, что здоров, как бык. Нет-нет, да и находит... уф!..

– Ви нуждайся в терапия, – авторитетно изрек Фризе. – Мануаль. Цванцихь сеанс, и фсе пройдет. Ви снимайт ваш корсет и ходиль, как здоровый.

– Вы врач? – Арбель посмотрел на него. – Что у вас за методика?

Фризе самодовольно приосанился.

– Методик супер! Лечил много, помогать много... Спрашивайте у камрад Вадим, он подтверждал.

Вадим с готовностью подтвердил. Фризе с его нестандартными практиками зачастую оказывал действенную помощь тем больным, от которых отказалась традиционная медицина. Не будь он сотрудником особой группы, давно бы сделал себе карьеру, но, в силу некоторых служебных ограничений, о его способностях знали, по большому счету, лишь в московских верхах. Знали и пользовались. Он не жаловался: для Фризе врачебное дело было не рутинной, а скорее, искусством, приносящим удовольствие, независимо от того, кто являлся объектом лечения.

– Заинтриговали, – хмыкнул Арбель. – Но нам с вами не по дороге... уф!.. Мне надо назад, в Москву, а вы, я так понимаю, следуете дальше на восток.

– Что вам мешает присоединиться к нам?

Вадим ляпнул не подумавши, и Фризе взглянул на него с недоумением. Их миссия, в чем бы она ни заключалась, вряд ли предполагала возможность откровенничать с окружающими. С другой стороны, нигде в инструкциях не прописано, что для успешного ее выполнения посланцы не имеют права привлекать к сотрудничеству лиц, чье содействие сочтут полезным. Так что никаких нарушений Вадим пока не усматривал. А Арбель – лицо официальное, снабжен мандатом и оружием, служил в угро. Чем не союзник?

– В качестве кого я с вами поеду? И на какие средства? Командировочных у меня было ровно до Свердловска...

Арбель высказывал возражения, но невооруженным глазом было заметно, что компания этих людей ему по душе и он не против продлить совместное путешествие. Вадим уже определил его натуру: романтик, искатель приключений, любитель новизны и впечатлений.

– Соглашайтесь! Средств у нас хватит на троих, даже с избытком. Что до ваших обязанностей... Нельзя ли устроить проверку почт и телеграфов в Сибири? Сомневаюсь, что ваша контора часто проводит такие дальние рейды.

– Крайне редко. Слишком дорого посылать контролеров за тридевять земель.

– Вот видите! Сообщите начальству, что добровольно проявляете инициативу, в нашей стране это любят. Только о нас не упоминайте, ни к чему... А пока будем ехать, доктор Фризе займется вашим здоровьем.

Судя по тому, как резво бежал поезд по рельсам, машинист был напуган до крайности и выдавливал из паровоза все, что только можно. Вагон раскачивался, предметы колотились друг о друга. Неожиданно кто-то всхрипнул, как мерин, вставший на дыбы.

– Держите его! – Арбель потянулся к винтовке, но боль в груди откинула его назад.

Здоровяк, лежавший оглушенным, вскочил и, виляя жирными ягодицами, побежал к тамбуру. Вадим схватился за «ТК», но немец опередил его – уцепил «мосинку», приподнял ее над плечом, как копьё, и метнул в спину убежавшему. Штык с хрупотом воткнулся в хребет.

– Капут, – констатировал Фризе. Он был большой универсал – с равным успехом умел продлевать людям жизнь и отнимать ее.

Арбель, впечатленный этой сценой, припадая на левую ногу, подошел к лежавшему бандиту.

– Как есть наповал! Вы прямо гладиатор...

Фризе самодовольно хихикнул. Вадим бегло прошарил карманы убитого, предварительно выдернув штык у него из спины.

– Документов нет. Кастет, пригоршня патронов... а это что?

В ладонь скатился медальон, изготовленный из расплющенного царского пятака. Поверх затертого напильником коронованного орла виднелись отчеканенные литеры: СН.

– Позвольте... – Арбель взял у Вадима медяшку, поднес к очкам. – Оригинальная вещица... Что бы означало Эс Эн?

– Наверно, инициалы этого борова... Какая нам р-разница? Люди его круга обожают всяческие обереги, таскают их с собой на гоп-стопы. Выбросьте.

– Я лучше себе заберу. Не возражаете?

Фризе, проголодавшись после физических упражнений, потрошил рыбную консерву. Труп со слякотной от крови дырой его нимало не беспокоил.

– Что р-решили? – вновь обратился Вадим к Арбелю, сделав вид, будто ничего экстраординарного не случилось. – Наш добрейший доктор весь в вашем р-распоряжении.

– Гэнау зо, – промурлыкал немец, намазывая на галету селедочный паштет. – Ихъ есть к вашим услугам.

Арбель, уже, безусловно, принявший идею, бормотнул напоследок:

– В Москве Рита, она меня ждет. И дочке два года...

– Отправьте им телеграмму из Тюмени, – парировал Вадим. – Или ваше телеграфное хозяйство в совершеннейшем упадке и дальше Урала не действует? Тогда тем более пора навести порядок.

Глава II, где досужие толки обрастают неопровержимыми фактами

Телеграф в Тюмени функционировал исправно. И то сказать: не такая уж тмутаракань – всего-то тысяча семьсот километров от Москвы. Применительно к российским просторам – сущий пустяк.

Особистов ждала депеша, состоявшая сплошь из цифр. Вадим расшифровал ее и озадаченно уставился на текст:

«Следуйте по Транссибу до Благовещенска или Хабаровска, оттуда на перекладных до Якутска. Там свяжитесь с начальником губернской милиции товарищем Полуяхтовым, он введет вас в курс и передаст окончательные указания».

«Убиться веником!» – как выразился бы Вадимов друг Макар Чубатюк. Услали так услали! Если дорога до Хабаровска представлялась худо-бедно наезженной (Транссибирская железнодорожная магистраль была запущена в эксплуатацию еще при Николае Втором), то перегон до Якутска выглядел примерно как поход конкистадоров через неизведанную сельву Амазонии. С той лишь разницей, что в Амазонии всегда теплый климат, а Сибирь с приближением осени уже дышала могильной прохладой.

Легко сказать – «на перекладных»! Железную дорогу, о которой заговаривал еще Витте в начале столетия, так и не проложили, автомобильных трасс нет и в помине... да и где найдешь в Якутии автомобиль? Гужевого транспорт – вот и все перекладные.

Вадим дождался, пока Арбель свяжется со своим руководством, и подошел к нему с видом кающегося грешника.

– Должен перед вами извиниться. Я звал вас р-развезаться, но у меня и в мыслях не было приглашать на край света.

Однако Арбель, только что согласовавший продление командировки, был настроен оптимистично.

– Хабаровск? Якутск? Всю жизнь хотел там побывать! И теперь вы не вправе мне запретить, у меня предписание. С ним разрешается инспектировать узлы связи во всех населенных пунктах, вплоть до берегов Тихого океана.

– Вы всерьез собираетесь ехать с нами в эдакую даль? – подивился Вадим. – А если вас снова прижмет? Думаете, там фельдшерские пункты на каждом шагу?

– Потому и еду... уф!.. Рядом всегда будет ваш лекарь-кудесник, он, если что, пособит. Не беспокойтесь, обузой я вам не стану.

За дни знакомства первоначальная антипатия Вадима к этому человеку улетучилась. Арбель, конечно, интеллигент, но в данном случае означенный термин был применим к нему не как оскорбительный, а как комплиментарный. Он из той интеллигентской породы, которая крепче железа. И болезни не в счет. Да, обузой он не станет, это однозначно.

В Якутск прибыли на исходе августа. Повезло, что из Хабаровска на север шел обоз с медикаментами и инструментарием для геологических разведок. Запряженные в подводы тяжеловозы двигались не то чтобы ходко, зато отличались выносливостью, им требовалось совсем мало времени на отдых, а проводники-якуты знали местность как свои пять пальцев. Они умели обходить трясины и непролазные буреломы, держались преимущественно редколесья с сухой почвой. Это позволило каравану избежать лишних задержек.

Сибирское лето стремительно сдавало позиции. Как утверждали местные, еще месяц назад стояла жара под плюс пятьдесят по Цельсию, но к прибытию Вадима сотоварищи температура днем редко поднималась выше пятнадцати градусов, а ночами падала до нулевой отметки.

– Осень у нас такая, что и не заметите, – просветил прибывших начмил Полуяхтов. – В сентябре заканчивается лето, а в октябре уже зима. Ховод!

Он не выговаривал твердый звук «л», используя взамен «в», отчего напоминал подростка-гимназиста. Впечатление усиливала внешность: худенький, прыщавый, со стрижкой ежиком. Совершенно несерьезный облик для ответственной должности.

Тем не менее, поговорив с ним, Вадим определил: парнишка не так уж инфантилен, как могло показаться с первого взгляда. Работу свою знает, оперативной обстановкой владеет, еще и начитан, эрудицией козыряет, не хуже институтского аспиранта. Породист, не из пролетариев. Наверняка потомок кого-нибудь из политических, которых ссылали сюда пачками, начиная с декабристов.

– Представьте себе размер нашей губернии! – Полуяхтов ткнул указкой в засаленную карту Якутии, висевшую у него в кабинете. – Мы занимаем площадь больше чем Аргентина. В пересчете на другие страны это примерно пять с пововиной Франций, тринадцать Англий, десять Италий...

– Спасибо, я тоже изучал географию, – не слишком учтиво перебил его Вадим. – Хотелось бы узнать, что мы-то будем делать на этих великих пространствах. Только не говорите, что мы проехали восемь тысяч километров из-за какой-то мелочи.

Полуяхтов по-мальчишечьи погрыз кончик указки, что-то обдумал.

– Мне рекомендовали вас как спеца по части разоблачения суеверий. Это именно то, что нам нужно.

Вадим не поверил собственным ушам.

– Вам нужно р-разоблачить суеверия? Какие?

– Понимаете... Якуты, тунгусы, юкагиры, чукчи – почти все коренное население придерживается язычества. А это и есть спвошные суеверия. Шаманы совсем задурили им гововы своими байками. Мы отправляем в стойбища учителей, но этого маво, и не везде их принимают, иной раз кольями гонят вон...

Вадим начал терять терпение.

– Но вы же нас не для того вызвали из Москвы, чтобы мы в улусах ликбезы устраивали? Это, пардон, не по нашей части.

– Вопрос с ликбезами мы как-нибудь закроем, – не стал вдаваться в полемику Полуяхтов. – Но как быть с вредными свухами? – Он обвел указкой небольшой район на стыке Якутии с Дальневосточным краем. – Очень меня беспокоит этот увус. Один из наиболее отдаленных, контролировать его неведько. И по моим сведениям, там зреет зерно смуты.

– А что с ним не так? – Вадим разглядывал карту, но это была всего лишь пестрая мешанина речек, озер и лесов.

– Вы слышали что-нибудь об озере Вабынкыр?

– Лабынкыр? – Вадим повторил незнакомое звучное слово. – Нет, никогда.

– Ну, да... Кто в Москве о нем знает? И у нас-то не каждый... Вроде бы озеро как озеро. Небольшое: двенадцать верст в длину, три с пововиной в ширину. По берегам – тундра, якуты там оленей пасут. В смысле пасли. С той поры как разнеслась мовва про вабынкырских чертей, они туда носа не суют, боятся.

– Лабынкырские черти?

Вадим по роду своей деятельности нередко имел дело с аномальными явлениями. Правда, чаще всего на поверку они оказывались фальшивкой – чьим-то розыгрышем, учиненным забавы или корысти ради. Вот и теперь в нем зрело чувство, что его потчуют очередной

сказочкой. В языческой среде, в темных невежественных умах куда как легко посеять веру в сверхъестественное.

– По-вашему, вымысел? – прочел его мысли начмил. – Я тоже так думаю. Я же материалист, Дарвина изучав... Но как населению объяснить? Они на повном серьезе верят, что в озере чудища водятся!

– На чем основаны эти бредни? – спросил Вадим. – Кто-то реально видел чудищ?

Полуяхтов замялся. Было ясно, что он не стал бы сигнализировать в Москву, если б речь шла только о пересудах и кривотолках.

– Все от охотников пошло. Кто-то первым чудо-юдо увидев, другому пересказав. Так и покативось, как снежный ком... Но вот в чем заковыка. За те четыре года, что я здесь в милиции, мне с Вабынкыра уже три трупа доставили. Ранения у всех характерные – не огнестрел, не ножевые...

– А какие?

Материалист Полуяхтов почему-то понизил голос, а рука приподнялась, словно он намеревался сотворить крестное знамение, но вспомнил о своей партийной принадлежности и передумал.

– У одного горво разорвано. Зубами. Второго когтями исповосовали вдоль и поперек. А третьему и вовсе шею перекусили. Это ж какие квыки надо иметь!

В библиотеке Хабаровска, пока было время, Вадим полистал справочную литературу. Выяснил, что из хищников в Якутии водятся бурые, а на арктическом побережье белые медведи, росوماхи, рыси, лисицы. Из последних трех никто не тянул на монстра, способного отхватить человеку скворечник. Среди медведей, конечно, попадаются и великаны, с одним таким Вадим когда-то сталкивался на Мурмане, в ходе экспедиции под началом Барченко².

– Не медведь это, – убежденно сказал Полуяхтов. – Повадка не та.

– А что вы сами об этом думаете? Есть же какая-то гипотеза?

Школяр, которому на самом деле было лет двадцать пять, промычал что-то нечленораздельное, а затем развел руками.

– Знав бы, не став бы вас дергать. Для меня это загадка. Мне из Якутска не отвучиться, сив маво, а бандюганы не дремлют. Тут ведь еще и политика... Антисоветские элементы всю эту чертовщину на знамя подняли, на всех угдах кричат, что чудовища якутам в наказание посваны – за то, что те Советскую ввасть у себя позволили установить. И чем дальше, тем хуже будет.

– Опасная пропаганда, – заметил Вадим. – У вас, кажется, и так контра не дремлет.

– Не то свово! – Полуяхтов шмякнул об стол пухлую папку с надписью «Контрреволюционные выступления на территории Якутской АССР в период с 1920 по 1926 год». – У нас Гражданская война, считайте, не заканчивавась. То бевогвардейцы бузят, то туземцы... Год назад еле-еле восстание тунгусов подавили, но затишье, чую, ненадовго. Уже новые провокаторы бучу поднимают, не в этом году, так в следующем снова повыхнет... Живем, как на вувкане!

Теперь для Вадима все прояснилось. Расположенная на задворках страны автономия сотрясалась от непрекращающихся мятежей. Милиция, армия, части особого назначения – все было брошено на поддержание порядка, однако власти чувствовали свою слабость и вполне обоснованно переживали по поводу будущего. Шаткие позиции Советов усугублялись близостью враждебных держав – Японии, Китая, Североамериканских Штатов, откуда поступала негласная помощь контрикам. И к этому крайне неблагоприятному фону добавляются какие-то мистические события, под влиянием которых легковверные сибирские народы способны

² Подробнее читайте об этом в романе Александра Ружа «Зов Полярной звезды».

поднять бунт против большевиков. Достаточно только придать рассказам о чертях нужную форму и направить в русло, выгодное организаторам переворота. Нечего и гадать, все это проделки заговорщиков. Что до характера ран, то есть такие убойных дел мастера, что сработают и под медведя, и под тигра, и под динозавра, будь на то заказ.

Да, это не игрушки. Вадим всмотрелся в участок карты чуть левее океана, разобрал под синим пятнышком обозначение: «оз. Лабынкыр».

– Есть там селения поблизости?

– Ближайшее – сево Томтор. Восемьсот верст от Якутска. И от сева до озера – еще верст сто.

– Ничего себе даль! И как нам туда добраться?

– Я все продумав, – оживился начмил, видя, что уговаривать московского гостя больше не требуется. – К Томтору провожена дорога, доедете на вошадах. У вас же немного покважи? А там наймете проводника, он в комбеде работает, проверенный парень, зовут Юргэн. Передадите ему от меня приказ, он вас доведет куда надо. Заодно и про чертей расскажет, он тоже что-то такое видел...

– Оружие дадите? А то у нас только это. – Вадим покрутил в руке хлипкую «корову».

– Дам, – пообещал Полуяхтов. – В меру возможностей. И еще сопровождающего выделю. Товарищ Бойко, мой зам. От сердца отрываю, но вам нужнее, вы здесь люди новые, кто-то должен вас с местным житейским укладом познакомить.

«Сопровождающий – это хорошо», – подумал Вадим. Еще и милиционер, обученный парень. Вкупе с Арбелем и комбедовцем Юргэном – целый отряд. Можно и против чертей выступить.

* * *

Без курьезов не обошлось. Начать с того, что арсенал, которым Полуяхтов снабдил москвичей, состоял из трех ружей, переделанных из старых подержанных винтовок конца прошлого века. Такие предназначались для промысловиков и назывались по фамилии конструктора – «фроловками». Стоит ли уточнять, что ружья применяли большей частью на охоте, а в боевых условиях эти двухзарядные, перевязанные для прочности проволокой пукалки никуда не годились.

– Все, что было на скваде, – оправдывался начмил, по-ученически шмыгая носом. – Уже год доквадные в губком строчу – ни ответа ни привета.

Еще большая конфузия вышла с сопровождающим Бойко, оказавшимся совсем не того пола, на который рассчитывал Вадим.

– Генриетта, – промолвила некрасивая девица с каштановыми кудряшками и зарделась. Она, несомненно, стеснялась своего аристократического имени.

– Французенка, что ли?

– Нет. Родители у меня любили все иностранное. Решили, если будет сын, назовут Генри, а дочь – Генриетта.

– Своёобразно... – Вадим почесал затылок. – А как ты в милицию попала?

На «ты» они перешли сразу. Генриетта была моложе Вадима лет на пять, держалась естественно и без фанатизма.

– Захар предложил.

– Кто?

– Полуяхтов. Я в детской колонии работала, он меня там увидел. Понравилось ему, что меня даже самая отпетая шпана слушается. Говорит: иди к нам. Зарплата, харчи, обмундирование... Я и пошла.

Генриетта рослая, плечистая, голос зычный – да, с ней не забалуешь. Вспыхнувшая поначалу обида на Полуяхтова постепенно растаяла. Вадим почувствовал, что эта барышня сто очков вперед даст любому мужику.

Он справился для порядка:

– Стрелять умеешь?

– Здесь все умеют. В холода медведи с волками по центру Якутска бродят, пропитание ищут... – Она кашлянула и вдруг без запинки выпалила: – От топота копыт пыль по полю летит!

– Ты чего? – ошалел Вадим. – Что за народное творчество?

Товарищ Бойко опять засмушалась.

– Не обращай внимания... Я на следующий год уехать хочу. Родня в Ленинград зовет. Буду в театральный поступать, а там упражнения на дикцию сложные, чтобы сценическая речь выработалась. Вот я и тренируюсь загодя – скороговорки повторяю.

Якутия и ее обитатели представляли для Вадима в новом свете. Когда ехал сюда, воображал, что столкнется с беспросветными невеждами и полным бескультурьем, а поди ж ты – начальник милиции изъясняется как ученый муж, а его заместительница в актрисы наладилась. Ежели переиначить слова Ломоносова, то впору разжиться идиомой, что «может собственных Платонов сибирская земля рождать». То ли еще будет!

Первого сентября вышли из Якутска. Генриетта не разочаровала – на коне держалась как влитая, многочасовые переходы были ей нипочем. А когда наперерез отряду выскочил из леса злобный волчара с ощеренной пастью, она, не моргнув глазом, срезала его наповал из «фроловки». Огонь-баба! Если еще и Юргэн окажется таким же боевым, то нечистая сила не страшна...

Увы, Юргэн оказался отнюдь не силачом и храбрецом. Непонятно, за какие заслуги отмечал его Полуяхтов. В Томторе – крохотном селеньице, где проживало не более сотни человек, – перед Вадимом предстал тщедушный малый, одетый в распашной кафтан из оленьей замши, на котором болталась перевязь с ножом в чехле и небольшой сумкой с табаком, трубкой и огнивом. Юргэну было около сорока, но выглядел он гораздо старше – суровая жизнь в тундре не способствовала сохранению цветущего внешнего вида. Вадим заметил, что и остальные жители Томтора не отличаются здоровьем и свежестью.

Юргэн не посмел ослушаться приказа, полученного от Полуяхтова, однако дал понять, что не горит желанием совершить экскурсию к проклятому озеру.

– Моя Лабынкыр целый год не ходила, – сознался он, начищая допотопное кремневое ружьецо, которому более приличествовало находиться в музейной экспозиции. – И твоя не надо туда ходить.

– Почему? – Вадим присел на пенек, согнав с него гревшуюся на солнышке ящерицу. – Что там такого, в этом озере?

– Улу Тойон свои слуги поселила. И сама прилетай.

– Улу Тойон? Кто это?

Вадим был слегка знаком с фольклором финно-угорских народов, но о мифологии сибиряков имел крайне смутное представление. А быть может, именно в тундровых легендах кроется разгадка всей этой дьявольщины.

– Улу Тойон – злой абас. Дух. – Юргэн не смотрел на собеседника и слова выцеживал без охоты. – Все нехорошее от него.

Больше Вадим, как ни бился, ничего не смог из него вытянуть и отложил расспросы на потом. Возможно, Юргэн не доверяет чужакам, присматривается к ним, потому и избегает лишних слов. Небось через денек-другой попривыкнет и разговорится. Обнадежив себя таким образом, Вадим скомандовал выступать. Юргэн посопел недовольно, но подчинился. Прочие

же двинулись к озеру без понуканий. Арбеля подзуживало хотение поскорее столкнуться с неведомым и заповедным. Фризе воспринимал любые перемены с философским самообладанием, а Генриетта не верила ни в духов, ни в абасов, поэтому никого не боялась.

Двое суток продирались сквозь невысокий, но чрезвычайно густой и цепкий березняк. Местами его сменяли купы елей и лиственниц, но это не облегчало пути – наоборот, колкая хвоя расцарапывала открытые участки кожи, впивалась в одежду почище репейника. Подошвы грузли в мягком, напитанном осенними дождями лишайнике. Надсадно стрекотали сороки, где-то хрустели ветки под лапами крупного зверя. А Вадим слышал еще и то, чего не улавливали другие: шелест опадающей листвы, плеск рыбы в ручьях, сторожкие прыжки белок... Якутская тундра обладала своей особенной, неповторимой прелестью, завораживала, очаровывала в мгновение ока.

Юргэн ехал во главе процессии на белом олене, увешанном поклажей. Олень, могучий и неутомимый, проламывал березовую поросль, словно тонкие соломинки, шел без устали мерным шагом. Можно было разжиться в селе такими же геркулесами и для всего отряда, однако Вадим посчитал, что одного будет достаточно. Олень – хорошо, но приглядывать за целым стадом – ненужная морока. Опять же пыхтят, топают – создают лишний шум, а кто знает, не придется ли проявлять скрытность, выслеживая вражье племя...

Когда на лес опустились сумерки, сделали привал. Юргэн тщательно выбрал поляну для ночевки, обложил ее лапником, а в середине развел большой костер. Условились, что будут попеременно дежурить до утра. На ужин Генриетта со свойственной ей сноровкой подстрелила жирного рябчика. Фризе, оказавшийся еще и знатным кулинаром, испек его в углях, приговаривая:

– Эс золь гут шмэкен... Это есть ошень фкусно! Когда я биль кляйне киндер, ми запекайт фляйш в огонь. Облизаль пальшик!

Рябчик, сдобренный солью и лесными травами, которые насобирал Юргэн, действительно оказался превосходным на вкус. Его уплели за обе щеки, после чего проводник вскипятил в котелке ключевую воду, бросил туда для запаха горсть моршки и пригласил всех на чаепитие. Так закончился день. Вадим не ощущал усталости, равно как и обеспокоенности. Опасения, связанные с лабынкырской нечистью, покамест не оправдывались.

Перед сном кинули жребий – первым выпало нести вахту Вадиму. Он дождался, пока все улягутся, завернулся в шинель, выданную в Якутске, и прикорнул под стволом елки, больше похожей на шатер. Зарядил «ТК», сунул в карман, а меж колен пристроил «фроловку». Пусть теперь кто-нибудь сунется!

Фризе захрапел, едва уронив голову на рюкзак. Минут через пять и Генриетта принялась выводить фистулой сонную арию. Со стороны Арбеля слышалось лишь неровное дыхание, изредка прерываемое покашливанием недолечившегося туберкулезника. Юргэн ворочался, раза два подскакивал, чем-то встревоженный, но наконец улегся и вроде бы уснул.

Вадим подбросил в угасающий костер припасенный с вечера хворост. Дни в Якутии в начале сентября были еще довольно теплыми, а вот ночами уже подмораживало, без обогрева задубеешь, а простывать сейчас нельзя.

Близилась полночь. Вадим видел желтобокую луну, выглянувшую из-за черных облаков. Ясная погода здесь, как он уже знал, – редкое явление. Недаром Якутск называют самым пасмурным городом страны. Похоже, Улу Тойон не шибко осердился на вторгшихся в его пределы иноверцев – вон и с погодой пока везет. Что-то будет дальше!

В лесу зашуршало, Вадим тряхнул головой, избавился от отвлеченных мыслей, приподнялся. Шуршало не животное, не птица. Где-то невдалеке шел человек, мелко переставляя ноги – опасался быть обнаруженным.

Вадим встал и сжал в руках «фроловку». Он обладал навыком передвигаться практически беззвучно – как могиканин из романов Фенимора Купера. Перекатывая ступню с пятки

на носок, он углубился в кущи, ограждавшие поляну. Ориентировался на шуршание, которое делалось все громче. До его источника – метров пятьдесят, не больше.

На стороне Вадима были все преимущества: он и слышал, как будто к ушам приставили два громадных рупора, и видел в темноте по-совиному. Сделав еще два-три шага, он затаился за сосной, и взял ружье на изготовку. Ну-ка, поглядим, что за фрукт сюда чешет.

Шуршание приближалось. Теперь не было ни малейших сомнений, что целью незнакомца является лагерь, в котором безмятежно спят четверо путников.

Ан нет – Арбель не спал! Он продавил, как олень, завесу из веток и хрипло задышал рядом с Вадимом.

– Вы куда делись? Я проснулся, а вас нет... уф!..

Вадим гневно вскинулся, зажал болтуну рот, но поздно. Из стоявшей на особицу ивовой рощи, где только что раздавалось шебуршание, вылетела стрела с ярко-красным оперением и прошла горе-контролеру голову.

То есть так показалось – на самом деле угодила в шляпу. Арбель инстинктивно нырнул вниз, а Вадим наобум выпалил в кусты. Они закачались, за ними мелькнуло что-то цветастое и умчалось. Догонять не стал – не ровен час напорешься на засаду, себе дороже.

Арбель, удостоверясь, что опасность миновала, воззрился на свою шляпу, пришпиленную к дереву, как жук к картонке энтомолога.

– Это что же, – произнес он потрясенно, – меня сейчас чуть не убили?

– Р-расслабьтесь. – Вадим вытащил стрелу из волглой древесины. – Хотели бы убить, не промазали бы. Насколько я успел понять, стрелки здесь очень меткие. А это предупреждение.

– С чего вы взяли?

– Читайте. – Вадим протянул ему стрелу; к ней был примотан лоскут бересты.

Арбель подоткнул сползшие на кончик носа очки, но это не помогло.

– Ничего не вижу...

– Тут написано, чтобы мы не ходили к озеру. Кириллицей, с ошибками, но человек все-таки знает грамоту.

– Кто этот советчик? Может, Юргэн? Он, помнится, рекомендовал вам то же самое... уф!..

– Исключено. Юргэн был на поляне, когда я услышал шаги... Тс-с! – Вадим приложил палец к губам. – Это бегут наши. Их р-разбудил мой выстрел... Шура, давайте условимся: пусть они об этом не знают. – Вадим бросил стрелу в мшаник, а берестяное послание спрятал в карман. – Наш экскурсовод и без того назад оборачивается. Если ему эту цидулку показать, никакие приказы не помогут.

– Согласен, – торопливо шепнул Арбель и смолк, потому что из березово-елового сплетения вывалились Фризе, Генриетта и упомянутый Юргэн. Все трое держали оружие и крутили головами, ища, в кого бы бабахнуть.

– Что случилось? – выдохнула Генриетта. – Кто стрелял?

– Я, – лаконично ответил Вадим. – Послышалось, будто медведь ходит. Пошел проверить. Случайно нажал.

– Я не учуяла, чтобы медведь ходила, – засомневался проводник. – Медведь на много-много шагов пахнет, всякий охотник унюхает.

«А чтоб тебя с твоим нюхом!» – едва не сорвалось с языка у Вадима.

Но Фризе понимающе глянул на него и степенно прокрякал:

– Ин орднунг... все есть в порядке. Фэргэсен зи дас. Идемте спать.

* * *

Остаток пути до Лабынкыра преодолели без происшествий. И вот оно открылось во всей своей красе – таинственное озеро якутов. В центральной части к нему подступали скалы. Вадим взобрался на одну из них и увидел с высоты вытянутый с севера на юг прямоугольник, наполненный неподвижной свинцовой водой. На ее поверхности виднелись три островка, покрытые растительностью. Вадим отметил про себя, что проще всего подойти к водоему с юга – там побережье более пологое.

Юргэн с ним согласился, но к озеру не пошел – сослался на необходимость соорудить шалаш в качестве временного прибежища. Вадим отрядил ему в помощь безотказного Фризе, а с собой взял Арбеля и Генриетту.

Когда вышли на побережье, оказалось, что к воде подобраться не так просто. Всю береговую кромку усеивали обломки камней, сползших когда-то с окрестных гор. Они выпирали там и сям, давили в подметки, обувь соскальзывала с них. Генриетта едва не подвернула ногу, Вадим вовремя поддержал ее, за что был одарен благодарной улыбкой.

Он еще в Хабаровске запасся полезной вещью – капитанским биноклем с восьмикратным увеличением. Подыскав относительно плоскую плиту, он встал на нее, приложил к глазам окуляры и осмотрел озерную гладь. Отсюда она просматривалась хуже, чем со скалы, но все же можно было разглядеть и уток, еще не успевших улететь на юг, и возвышающиеся над водой островки...

Стоп! Вадим отнял бинокль от глаз, протер линзы и снова посмотрел на озеро. Островков было всего два, хотя он мог поручиться, что часа три назад видел еще один. Чтобы проверить себя, он передал бинокль Арбелю, а затем Генриетте. Те заявили, что из воды выглядывают два бугорка, облепленные жухлой травой. Третьего нет.

– Но я его видел! – не унимался Вадим. – Он точно был!

– Преломление лучей, оптический обман, – высказал догадку Арбель. – Или нам придется допустить, что то была спина лабынкырского плезиозавра, который потом ушел на глубину... уф!..

Генриетта поежилась, впервые при Вадиме выказав признаки оробелости.

– На Лабынкыре, говорят, всякое случается. Улу Тойон глаза отводит, обманывает... На дворе трава, на траве дрова.

Вадим со смешком покосился на нее.

– Ты что, тоже веришь в эту белиберду? А еще комсомолка!

Она запунцовела и продолжать диспут не стала. Вадим повел биноклем и заприметил на западном берегу какое-то строение. Лабаз не лабаз, сарай не сарай. Больше всего подходило определение «избушка на курьих ножках». Сложенный из бревен куб на высоких голенастых сваях, двери не видно, вместо окон – узенькие щелочки, над двускатной крышей – печная труба. Но что удивительнее всего, этот неказистый домишко был сплошь разрисован страховодными картинками, изображавшими одноглазых циклопов, горгон, огнедышащих драконов. Они были изображены более чем натуралистично. Насмотришься на такое – всю ночь кошмары будут сниться.

– Это что же за вертеп? И кто в нем поселился?

Генриетта не знала, Арбель тем более.

Воротились на стоянку. Там уже высился на опушке остов шалаша – вкопанные в грунт и связанные верхними концами следи. Вадим спросил у Юргэна про размалеванную избушку. Тунгус недобро сощурился.

– Это Улу Тойона построила. Там живет. Никто близко не подходит, бояться.

Вадима разобрало:

– Слушай... Надоели вы мне со своим Улу Тойоном! Вот возьму сегодня и схожу туда, лично проверю.

Юргэн нахмурился.

– Улу Тойон много людей убивала, не надо к нему ходить. Улу Тойон око большое имеет, из него искры бьют, ослепнуть можно... А кто близко подходила, того уже нет.

Вадим плюнул и отвернулся. Как же тяжело будет образумить тутошних, коли даже те, кто сочувствует Советской власти, живут с оглядкой на языческих божков и пересказывают басни одна другой нелепее!

Назревавший конфликт сгладил Фризе:

– Кенен зи... Прощайт, что перебиваль, но ихэ хабэ мало ветка. Дом бывайт холодный. Это не есть гут нахт.

– Все собираем ветки! – распорядился Вадим. – Ночи студеные, надо утеплиться как следует.

Разбредись кто куда. Вадим тишком взял из общих запасов два ржаных сухаря, десяток патронов для пистолета, компас и направился в ту сторону, где стояла кургузая избенка. Прибросил расстояние – часа полтора ходьбы, если напрямик. День в разгаре, до вечера можно обернуться. Свои, занятые работой, рано не хватятся. И вообще... с какой стати он должен кого-то предупреждать, спрашивать дозволения? В отряде он главный, ему и решать.

Положа руку на сердце, Вадим рассуждал эгоистически. Но что сказать... завели его коллеги по походу глупейшими рассказами. Тянуло побыть одному, собраться с мыслями, заодно и разведать, кто затаился за бревенчатыми стенами под двускатной крышей. Переть на рожон необязательно, можно подойти, глянуть и убраться вон. Важна пища для размышлений, а ее негусто.

Вадим шел, глядя на подрагивающую магнитную стрелку. По его подсчетам, до избышки оставалось километра три, как вдруг ухо уловило в приозерном ольшанике ворочание гигантской живой массы. В следующий миг над лесом раскатился рык такой мощи, что затрещали барабанные перепонки.

Вадим остолбенел. Это не был голос человека. Рычал представитель фауны, но кто конкретно? Он бывал в зоосадах, видел и слышал разное зверье. Но в этом реве, разразившемся в каких-нибудь двух-трех десятках шагов от него, как будто слились воедино агрессивные вопли хищников со всех частей света. В него вплетался треск кустарника, громкий и непрекращающийся, точно кто-то разрывал бесконечный холст. Затем из желтеющей поросли вывалилась береза, сломать которую могло только очень сильное существо.

«Фроловка» осталась в лагере, а от мысли использовать «ТК» Вадим отказался. «Корольей» пулей исполина не сваляешь, только разъяришь, и тогда пиши пропало.

Не дожидаясь, пока исчадие ада выберется на лужайку, он понесся со всех ног под покров низкорослых елей. Бежал не оглядываясь, стук сердца мешал услышать, есть ли сзади погоня. Мох стелился навстречу, как ворсистая ковровая дорожка. Внезапно в ней образовалась брешь, под Вадимом хряпнуло, он лишился опоры и стремглав полетел вниз.

Приложился неслабо – в бок вдавились продолговатые и необычайно жесткие поленья, загремели, раскатились. Вадим забарахтался, но почувствовал, что глубже не проваливается. Он полежал с минуту, глядя в тускнеющее небо, обрамленное переломанными жердочками, на которые имел неосторожность наступить.

Ловушка? Нет, непохоже. Скорее схрон. Приняв более-менее удобную позу, Вадим огляделся. Он лежал... нет, не на поленьях, как подумал вначале, а на округлых, гладко отшлифованных бревнах. Вот только непохоже было, что они из дерева. Взяв одно, он рассмотрел подробнее. Цвет – близкий к коричневому, на спиле не видно волокон, а тяжесть! Как будто железо...

Черт возьми, это же бивни слона! Вернее, мамонта, откуда в Якутии взяться слонам? Вадим слышал, насколько ценна такая вот кость, пролежавшая многие тысячи лет. Она не только крепче камня, но и оттенки у нее самые замысловатые – от желтого до фиолетового.

Скелетов не оказалось, да и сложно поверить, что мамонты сговорились умирать в этой яме, а потом еще и настил сверху положили. Сто процентов: постарались добытчики. Русские, якуты, тунгусы? Автографов нет, постеснялись. Ясно, что собирают для себя, в обход государственных служб, а после сбывают добытое иностранцам или знакомым кустарям, которые изготавливают из сырья различные модные безделицы. Может статься, что и обитатель избушки на курьих ножках имеет к этому промыслу непосредственное отношение.

Расследование отложим на попозже. Наипервейшая задача – выбраться из западни. Прежде чем предпринять какие-либо действия, Вадим обратился в слух. Надо быть простофилей, чтобы, вылезши отсюда, попасться на обед тому зверюге, из-за которого, собственно, и случился карамболь.

Но нет – ни дыхания, подобного всхрапам кузнечного меха, ни гулкой поступи, ни сатанинского рычания. Зверюга не собиралась преследовать убогого человечка. Или обладала мозгом мезозойского ящера: потеряв жертву из вида, удалилась в поисках новой добычи.

Вадиму казалось, что выбраться из копанки – невелика хитрость. Подгреб к стене побольше бивней, полез на них и... они разъехались под ним. Он покатился кубарем, еще и по шее тяжеленной костяной чуркой получил.

Вадим потер ушибленный загривок и взялся за дело более основательно. Сложил из бивней что-то навряде поленицы, а к ней пристроил две приступки, одна другой ниже. По ним, как по ступенькам, он взошел наверх и вытянул руку, в надежде достать до края ямы.

Не дотянулся на каких-нибудь пять-шесть дюймов. Это что же – снова слезать и громоздить пирамиду повыше? А дневной свет уже меркнет, скоро совсем стемнеет. Друзья устроят переполох, кинутся искать. Не попались бы давешнему мастодонту...

Вадим почти не испытал удивления, когда из-за края ямины протянулась рука. Стало быть, не только кинулись, но и нашли. А он, дурак, на них дулся!

Вадим подпрыгнул, схватился за спасительную длань. Она была маленькой, женской. Генриетта?

Поленица из бивней с гуркотом развалилась, но это уже ровным счетом ничего не значило. Под свободную левую подвернулся выперший из дерна корень, Вадим подтянулся и через пару секунд уже стоял на четвереньках у рывины, по-собачьи отряхиваясь.

– Спасибо, выручила... – завелся он с изъяснениями признательности, да и замолчал, обескураженный.

Перед ним стояла вовсе не Генриетта, а девушка кукольного росточка и такой же кукольной наружности. Узкоглазенькая, с волосами цвета воронова крыла и тонюсенькими – в ниточку – губками. Она была одета в платье, пошитое из кусочков цветной материи, разукрашенное бисером и отороченное бахромой. Поверх платья – фартучек из лосиной шкуры, на голове – суконная шапочка, на ногах – меховые сапожки с орнаментом в виде птичьих лапок. Типичное облачение тунгусских женщин, виденных Вадимом в Якутске и Томторе. На плече – лук с туго свитой тетивой.

Он задержал ее руку в своей и молвил со всей приветливостью, на какую был способен:

– Ты меня спасла... Ты кто? Как тебя зовут?

– Эджена, – выговорила она сквозь зубы, вырвалась и отскочила назад.

За спиной у нее брякнул колчан, одна из стрел выпала. Вадим поднял ее и уставился на ярко-гранатовое оперение.

– Это ты?.. Ты подходила ночью к нашему стану? Это твое? – Он показал ей клочок бересты с предупреждением.

– Я... Би урам... надо быть не так. Надо подходить к вам, говорить...

Она живо напомнила Вадиму Аннеке – та очень похоже коверкала неродной русский язык, путалась в глагольных формах.

– О чем говорить? – напирал он, идя к ней, в то время как она пугливо отступала от него, как от прокаженного.

– Горо-гу? – выкрикнула дикарка, глядя недружелюбно, даже враждебно. – Вы издалека? Зачем прийти? Лабынкыр не любить пришлых. Забирать жизни. Уходите!

– Пока ты не объяснишь почему, мы не уйдем.

– Уходите! Уходите! Вас всех убить!

Она подскочила, как кузнечик, и, ничего больше не сказав, дала стрекача.

– Постой! Куда ты?!

Вадим попытался догнать ее, но где там! Девчонка бежала быстрее лани. Олышаник сомкнулся за нею, и тотчас вспорхнули потревоженные пичужки уже где-то саженьях в двадцати.

Досадно... Поговорить бы с ней по-хорошему – глядишь, получил бы ответы на многие вопросы, которые пока что выглядят неразрешимыми.

Вадим заглянул в яму, откуда тунгуска только что вытащила его. Бивни горой громоздились на дне, маслянисто лоснясь. Это богатство нельзя бросать, оно не должно достаться незаконным сбытчикам. Генриетта представляет якутскую власть, пусть опишет все по форме, а потом найдем способ переправить добро в город, где ему найдут применение.

Но все это не сейчас. Вадим взглянул на небо, на компас. Обидно возвращаться, несолоно хлебавши. До избушки отсюда рукой подать.

Была не была!

* * *

– Геноссе Вадим пропаль.

Фризе первым высказал вслух то, что все уже и так осознали, но не решались озвучить.

Сумрак лег на верхушки елок и берез, шалаш был достроен, ужин приготовлен, а Вадим все не появлялся. Юргэн выглядел мрачнее тучи, что-то шептал в реденькие чернявые усы – не то проклятия, не то заклинания от злых чар.

Арбель препоясался ремнем, на котором висела кобура со «смит-вессоном».

– Мы обязаны отправиться на поиски. Немедленно... уф!..

Но Юргэн в отсутствие командира явил непокорность.

– Моя к жилищу Улу Тойона не пойдет. Моя жить хотела!

– А с чего ты взял, что Вадим пошел к Улу Тойону? – спросила Генриетта. И не к месту прибавила: – В один, Клим, клин колоти.

Юргэн плеснул на нее кислотной прозеленью из-под кудлатых бровей.

– Моя след видела. Она туда пошла, – он вскинул руку. – Ваша Вадима Улу Тойон забрала. Моя не пойдет.

Он пошагал к шалашу, но не тут-то было! Генриетта перехватила «фроловку» поперек, и вечернюю тишь тундры разорвал выстрел. Пуля зарылась в почву у самых стоп Юргэна. Он отскочил, завертелся юлой.

– Что твоя делала?!

– Значит, так, – отчеканила Генриетта и уперла ствол в его потное чело. – Некогда ласы точить. Идешь с нами. Если к утру Вадима не найдем, я тебя в расход пушу. Понял? – И закончила, как выбранилась: – Сыворотка из-под простокваши!

– Ночь... Твоя в лесу никого не увидит, – заикнулся Юргэн, но ее это нисколько не смутило.

– Берем факелы, оружие – и айда. Все согласны?

Никто не уполномочивал ее принимать руководство, но и не возражал. Фризе и Арбель выбрали из горящего костра по пучку смолистых ветвей, подняли повыше. Генриетта подтолкнула застывшего Юргэна ружьем в бок.

– Шагай... зверобой!

Тунгус подчинился. Согбенный, хмурый, он навьючил на оленя мешки и повел его в поводу.

– Зашем нам олень? – воспротивился Фризе. – Гросс... большой животина... Пускай отдыхайт.

Однако Арбель замысел Юргэна одобрил:

– Он все правильно делает. Вещи надо взять с собой. Пока мы отсутствуем, на лагерь могут напасть... уф!..

Шли цепочкой, стараясь не отставать друг от друга. Впереди – Юргэн с оленем, чуть позади – Генриетта. Она подсвечивала тунгусу факелом, но тот не нуждался в дополнительном освещении – ступал, водя носом, как собака-ищейка, и под ноги не смотрел, лишь иногда бухтел:

– Сюда пошла... Вот тут свернула... Побежала...

Замыкал шествие Фризе. При всей присущей ему сдержанности он все же не в состоянии был отделаться от чувства, что за отрядом кто-то наблюдает. И это не доставляло ему удовольствия.

– Хох! – воскликнул Юргэн и потянул оленя назад.

Путь преградил отверстый черный зев посреди сухих стеблей.

– Что там? – шепнула Генриетта, растерявшая изрядную долю смелости.

Арбель вышел вперед, сунул в зев руку с факелом.

– Ничего. Пусто.

Юргэн, отпустив оленя, кружил, как гриф, высматривающий, чем бы поживиться.

– Вадима упала в яму. Вылезла. Кто-то была возле еще. Вадима пошла дальше. Напали...

Кровь!

– Блут? – заинтересовался Фризе. – Где есть блут?

Юргэн осветил корневище высокой сосны, на котором запеклись бурые пятна.

– Потасили туда. Много человек. Десять или больше. Вытоптали вся трава.

– Пойдем и мы! – Генриетта вновь исполнилась отваги. – Мы должны его спасти... Добры бобры идут в боры!

Она ввинтилась в просвет меж двух можжевельниковых кустов. Мужчины последовали за ней, включая Юргэна. Возле ямы остался только белый олень, он никуда не торопился, пощипывая лишайник.

Вчетвером они выбежали на открытое пространство. Это был берег озера, скальный, голый. Следы терялись на нем, и Юргэн распростер руки в стороны, как городничий в немой сцене из «Ревизора». Отблески догоравших факелов отражались в слюдянистой воде. Неподалеку безмолвной химерой торчала избушка, к которой так стремился Вадим.

– Улу Тойон! – просипел тунгус совсем без голоса.

И словно в ответ на его придушенное сипение над избушкой взвился столб оранжевого пламени. Оторвавшись от кровли, он преобразился в шар, который взорвался и рассыпался на мириады слепящих искр.

– Зрак! – заблажил Юргэн прорезавшимся фальцетом. – Зрак Улу Тойона! – И пустился наутек.

Зрелище оказалось настолько впечатляющим, что Генриетта, Арбель и железобетонный Фризе поддались порыву и тоже обратились в бегство.

Не помня себя, они вломились в лесок, добежали до ямы и оцепенели. Олень лежал на земле и больше не был белым. Его великолепную шкуру заливали потоки густой жижи кума-

чового цвета, она извилисто струилась по ворсинкам, ртутными каплями падала на землю. Но что ужаснее всего – голова оленя лежала отдельно. Она была не отсечена, а оторвана, вены и сухожилия еще трепетали, над ними в морозном воздухе курились облачка пара.

У Генриетты сдали нервы, она заверещала:

– Кто? Кто это сделал?!

– Фэрдамт... – процедил Фризе. – Сволотч!

Арбель промолчал. А бледный Юргэн выронил ружье и лепетнул еле слышно:

– Абас приходила, олень убивала... И нас всех перебьет...

Глава III, в которой главный герой помимо воли знакомится с подводным миром озера Лабынкыр

Вадим читал когда-то, что люди на территории Якутии жили еще двести тысяч лет назад, в эру палеолита. Они вытачивали кварцитовые ножи, ловили рыбу на костяные крючки, смешивали глину с жиром и получившейся кашницей расписывали валуны и скалы.

Нынче, запертый в пещере, откуда слышалось журчание впадавшей в Лабынкыр реки, он получил возможность лицезреть наскальную живопись во всей ее красе. Он ожидал увидеть каких-нибудь быков, сохатых или, на худой конец, пресловутых мамонтов, но фантазия первобытных живописцев превзошла все чаяния. Пещерный свод покрывали рисунки, чьи сюжеты могли родиться разве что в мозгу, одурманенном сильнодействующим зельем. Свивались в кольца змееподобные рыбы с мордами наземных животных – куниц, росомех, горностаев. Парили аисты с когтями коршунов. Пластались в бешеном беге двухголовые лисы. Но сильнее всех поразил Вадима один урод: колоссальной величины медведище, на шее которого сидела полосатая тигриная башка с раззявленной пастью.

Вот они когда зародились, мифы об Улу Тойоне и его прислужниках! Еще в стародавние времена, задолго до появления суконных шапочек, кафтанов и бисерных узоров. Предки нынешних тунгусов и якутов сочиняли у камелька страшилки, которые застревали в памяти у детей, передавались из поколения в поколение, разрастались до эпических масштабов...

Ах, да! Пора бы рассказать, каким манером Вадим Арсеньев попал в бесплатный художественный музей.

Когда беглянка в лоскутном платье скрылась за деревьями, он снова двинулся к избушке, но не прошел и десятка метров, как был скручен невесть откуда высыпавшими людьми. Они были одеты одинаково – полушубки из меховых полос, низко нахлобученные шапки, широкие штаны, заправленные в сапоги, – но выделялся среди них один, смахивавший на ряженого с ярмарки. Его сухопарое тело облегало что-то наподобие салопы из жеребьячей кожи пегой масти. Пуговицы отсутствовали, их заменяли четыре сыромятных ремешка. На шее у скомороха висела на волосяной веревочке бронзовая бляха с выбитым на ней абрисом летящей чайки.

– Нахаа учугай! – прокаркал он, знаком велел своим подручным подтащить Вадима к яме с бивнями и потыкал корявым пальцем вниз.

– Я ничего не взял, – начал Вадим. – Я попал сюда нечаянно...

Но ему не дали договорить. По приказанию все того же клоуна в лошадином салопе пленника поволокли на берег озера и швырнули в проем, оказавшийся старой, местами обвалившейся пещерой. Вход в нее заложили булыжниками. Предоставленный самому себе, Вадим принялся их разгребать, но они были настолько тяжелыми, что он выдохся уже через четверть часа.

Сейчас его занимали только два вопроса: кто эти разбойники и что они собираются делать. Не вызывало сомнений: это и есть те добытчики, которые наполнили схованку мамонтовой костью. Когда его утаскивали из леса, он успел заметить, как пять или шесть аборигенов под присмотром арлекина с бронзовой бляхой полезли в яму и стали выбрасывать оттуда бивни. Ежу понятно: будут перепрятывать. То есть повязали его как случайного свидетеля противозаконных деяний. А коли так, доля у него незавидная. Этих упырей, живущих по законам северных джунглей, конечно, не впечатлит книжица с печатью ОГПУ, а пистолет он потерял при падении в яму.

Вадим тщетно придумывал, как выпутаться из создавшегося положения, но ничего не придумал, а на заре за ним пришли.

Свора была в сборе. Пегий шут гаркнул на своем неразборчивом наречии, и арестанта вытолкали на скалу, нависшую над Лабынкыром. Хмарный небосвод провис, грозя прорваться и окатить тундру, а с ней и озеро, прохладным душем.

«Утопят!» – молнией проскочила мысль. Вадим затрепыхался в руках у конвоиров и предпринял последнюю попытку спастись.

– Я из Москвы. Москва, понимаете? Меня послал к вам Сталин. Если со мной что-то случится, вас всех сошлют в Сибирь... – Поняв, что сморозил чушь, он спешно исправился: – Р-расстреляют! К стенке – и пиф-паф! – Для наглядности изобразил сцену казни. – А если отпустите, я за вас заступлюсь... даю честное слово!

Его слова здесь не стоили и ломаной полушки. Лиходеи то ли не изучали русский язык, то ли напрочь игнорировали угрозы пленника.

– Бар мантан! – дал отмашку их предводитель, и Вадима сбросили с обрыва.

Все это делалось небрежно, разгильдяйски, без должной основательности. Приговоренному не связали ни рук, ни ног. Летя навстречу озерной плеве, он сгруппировался и вошел в воду чисто, как на соревнованиях спортивного общества «Динамо», за которое выступал два с лишним года.

Озеро обожгло ледяным холодом, температура водной толщи была едва ли выше трех-четырех градусов. Не идеальные условия для купания, но закаленному организму все нипочем. Вадим вынырнул и, отфыркиваясь, посмотрел вверх. Дуболомы в полушубках во главе со своим атаманом стояли на уступе и глядели на пловца.

Глазейте, глазейте! Если думаете, что я не умею плавать, то серьезно заблуждаетесь. Не Джонни Вайсмюллер, но на первенстве Москвы однажды был в призах, что само по себе почетно и о многом говорит. А уж из этой-то лужи выплыву, не сомневайтесь.

Подбадривая себя, он искал удобный выход на сушу. Как назло, поблизости наблюдались только отполированные водой зубцы, за них не зацепишься. Надо проплыть дальше, туда, где берег менее каменист.

Те, наверху, загалдели. Вадим поначалу не сообразил, но затем в поле его зрения попало нечто посверкивающее и длинное, как торпеда.

Вода в Лабынкыре была прозрачайшей. Вадим, энергично работая конечностями, чтобы не околеть, погрузил в нее лицо и увидел рыбу, но какую! Судя по форме тулова, это был налим циклопических размеров, весом не меньше двух пудов. Вадим не относил себя к поклонникам рыбалки, однако его друг Чубатюк уважал это занятие и частенько возил своих сослуживцев в Подмоскowie, где они осваивали азы ихтиологии.

Но пес бы с ним, с налимом... Будь он обыкновенным, Вадим просто шуганул бы его и поплыл дальше. Однако вместо толстогубой и лупоглазой хари шею этого создания увенчивала голова акулы! Зубастая, оскаленная, с налитыми свирепостью глазками.

Вадим был, мягко говоря, ошарашен. Вот тебе легенды и мифы невежественных дикарей... Разом припомнилась живопись в пещере. Получается, доисторические художники не фантазировали, и в Лабынкыре на самом деле водится живность, неизвестная современной науке?

Акулы зубищи щелкали уже в каких-нибудь четырех-пяти футах. Проглотить не проглотит, но шею перекусит запросто!

Теперь до Вадима дошло: отребье в полушубках прекрасно осведомлено о том, что озеро кишит смертоносными гадами. Потому и сбросили, не связав, не оглушив. Знали, что никуда обреченному не деться.

Оружия у него не было. Вадим всплыл на поверхность и тоскливо глянул на неприступный берег. Налим с акулей ряхой двигался шустро, далеко уплыть не даст.

Батага на круче азартно горланила – как зрители в древнеримском амфитеатре в предвкушении боев.

Но тут на арене появилось новое действующее лицо. С соседней скалы сорвалась маленькая фигурка в знакомом Вадиму цветастом платье. Она ласточкой раскрылась в воздухе и через мгновение подняла фонтан брызг над тем местом, где в хрустальности озера изгибалась акула-налим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.